

Op 84

P 94

A-346053

СКОМО

ПЯВЕЛ
РЫКОВ

РОШНИНЫ

18+

ор 84
р 94

ор 84

84(2-44.2)6-5

СКОЖО

ПЯВЕА
РЫКОВ

РОШИННЫ

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

а-346053

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

КР

ВПОЛНЕ СЕРЬЁЗНО О СМЕШНОМ

Функция смеха – обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета церемониальности, искусственного неравенства, от всей знаковой системы данного общества. Обнажение уравнивает всех людей: «братия голянская» равна между собой.

При этом дурость – это та же нагота по своей функции. Дурость – это обнажение ума от всех условностей. От всех форм, привычек. Поэтому-то говорят и видят правду дураки. Они честны, правдивы, смелы. Они веселы, как веселы люди, ничего не имеющие. Они не понимают никаких условностей. Они правдолюбцы, почти святые, но только тоже «наизнанку»....

В древнерусском смехе большую роль играло выворачивание наизнанку одежды (вывороченные наизнанку овчины) надетые задом наперёд шапки. Особенную роль в смеховых переодеваниях имели рогожа, мочала, солома, берестялыко. Это были как бы «ложные материалы» – антиматериалы, излюбленные ряжеными и скоморохами.

Балагурство – одна из национальных русских форм смеха

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЁВ
«СМЕХОВОЙ МИР ДРЕВНЕЙ РУСИ»

Л. «НАУКА» 1984.

ДЛЯ СКОМОРОШЬИХ ЗАТЕЙ

Всем я владею

Для скоморошских затей:

И гудок, и гусли, и бубенцы, и бубны.

И личина, сотворенная из свинячьих ноздрей,

А к ним пришпандорены коровьи губы.

Что со скомороха возьмешь, с дурака,

Дурня – придурня?

Гляди – веселися!

Начинает он, вроде, исподволь да издалека,

А заворачивает, эвона, в какие выси...

Ишь, куда упулился!

Вишь, куда попал!

А с виду: бормота, выбормоток, плясун,
запевала...

Прячься-ка ты, братец, пока не пропал,

Пока по хлебалу тебе не попало!

ВАНЬКА-ЦАРЬ

Поэма – скоморошина

Говорят,
Когда-то встарь
Жил-был грозный Ванька-Царь.

Пил вино. Брюхатил девок.
Был охоч до сала с хлебом,
А по праздникам церковным
Ставил свечку за целковый!

Нравом, сказывают, бешен.
Чуть не так – трясется:
– Вешать!
Для решенья спорных дел
Он верёвок не жалел.

За заботу, за такую
Ване пели аллилуйю
И бояры, и народ.
Пели сутки напролёт,
Не считаячи часов,
Не жалея голосов,
Аллилуйю голоса,
Благодарность вознося.
Ну, а если кто сипел?
Тот, конечно, и не пел.
Но зато он мог мычать
И ногою в такт стучать.

Вот, однажды, утром ранним
Прогуляться вышел Ваня
Из белокаменной светлицы
Вдоль по улицам столицы.
А на улицах толпа ..! (народ)
Аллилуйю все поют..! (молчат)

Мужики-то все мордатые,
Матёрые, бородатые.
А у баб-то – задницы!
А у баб – передницы!
Едрит твою мать!
Троим не обнять!
Ух!
От такого загляденья
Впал Ванюша в умиление...
Вдруг!
Как в новой шубе блохи,
Высыпали скоморохи!
И при всём честном народе
Вслух срамные песни водят:

Как у девицы, у красной
Под широким, под подолом
Мужика вчера словили
И подвыпимши, и голым .

У султане в Истанбуле
Триста жен, белы, как мел.
От такого многобабья
Наш султан оевнухел

Говорят, вчера из бани
Убежал наш царь, заплакав.
За обиду сталося Ване –
Задом с нищим одинаков.

Тут уж стража набежала,
Скоморохов задержала.
В руки белые взяла
И в подвалы повела,
Чтобы проводить дознание...
Ан, подьемлет руку Ваня:
– МЫ – не зверь!
НАМ песен надо!!
Песня бодрость придаёт.

В песнях чаянья и радость
Выпевает наш народ.
Не тея по древу мыслью,
(Длинные речи – очень плохо)
Мы желаем быть артистом!
Всем народом – в скоморохи!

Услыхав такие слова,
Стража сникла, как трава.
Самодержец! Тяжело гнёт.
Всё теперь наоборот.

А вокруг народ горланит:
– Исполать родному Ване!
Колокольный перезвон
Поднялся со всех сторон.
И под звон, под колокольный
Эх! Пошли в кадрили кони,
Заплясали в избах печки,
Засверкали в церквях свечки.
В пляс пошли монастыри,
Вдоль проспекта фонари,
В небе ходом заходило
Даже вечное светило.
Даже сам митрополит
С переплясами кадит!
Вот, что значит, если вдруг
Царь махнет одной из рук!

Ваня снова длань подымлет.
Стихло всё. Ванюше внемлют
Скоморохи и народ,
Широко разинув рот:
– Будем, братцы, очень скоро
Песни петь! Но только хором!
И для вас, для всех, друзья,
Запевалой буду Я!

В ожидании запева
Заломили руки девы,
Бабы выпятили груди!
И собаки, словно люди,
Приготовились завывать,
Чтобы Ване угодить.
Даже на помойке мухи
Перестали делать звуки
Всё движенье прекратилось,
Над столицей воцарилась
Абсолютна и полна,
Как в могиле, тишина.

Ваня кашлянул несмело,
Поднапряг тугое тело,
Широко разинул рот
Да как грянет! И народ
Услыхал, как над толпою,
Над притихшею страною,
Далеко в поля, за реку.
Что-то вроде «Ку-ка-ре-ку»
Понеслось из царских уст.

За рекой ракиты куст
Враз увял. А из реки
Голавли да судаки,
Услыхав такую трель,
Повылазили на мель.
А с дворцовой красной крыши,
Что всех крыш в столице выше,
Взмыло облако ворон!
И тотчас со всех сторон:
Слева, спереди и справа
Зазвучали крики: «Браво»!
Ну, а сзади кто стоит,
Просто плакали навзрыд!

Стража мигом, стража разом,
Не моргнувши даже глазом,
И ничуть не оробев,
Лихо грянула припев:

Слава тебе Слава
Присно и вовек,
Господоподобный
Богочеловек!

И тотчас на площадь бочки
Выкатили мужичочки.
Бочкам вышибали дно...

Я там был и пил вино.
По усам оно текло.
Стало весело, тепло.
И в весёлой суматохе
Затерялись скоморохи;
Или далее ушли,
Или их в подвал свели
Выправлять на досках нар
Их срамной репертуар...

А потом —
Силен лукавый —
На меня напали бабы.
А у них-то задницы!
А у них передницы!
Едрит твою мать!
Троим не обнять!
Ух...
Более ничего не упомяну

1969 г.

СКОЖОРОШНЯ О ДОЛѢ-НЕДОЛѢ

А доля – вся та же недоля,
Когда не вожжа, так шлея,
И словно по мокрому полю
Раздолбанная колея
Не вправо, не влево, не прямо
Иди да башкой не мотай.
А вязко-то, мамочка-мама!
А долго-то! Где же тот край,
Где та – обнадежьте – обитель,
Где хоть бы на четверть часа
Был чайник-начальник – спаситель
И лошади – мера овса?
Но все невпопад и не впору,
Ни зги, ни на ней бубенца.
Все в гору, да в гору, да в гору,
Да кнут по спине без конца.

РАССЕЙСКИЙ БАЛАГАН 1990 ГОДА

Балаганный зазывала,
Запевала, завывала,
Юморист и куплетист...
Вот он скачет, вот он пляшет
На авось. Авось втемяшит
Этому, кто в поле пашет,
Что не мыт он и не чист.
Что земля его – сырая,
Разэтакая – растакая,
Что земля черным-черна,
Что червей она полна.
Что трикраты в этом поле
Он достоин худшей доли
Или он не знает, что ли,
Что от века сиволап!
То ли дело эти пляски,
Да бубенчики, да маски,
Да ужимистые краски,
Да фасон заморских шляп.

А в ответ крестьянин пашет
И зерно литое ляжет
Там, где плуг ему укажет,
Начертавши свой указ.
И в таинственном подземье
Оживет золотое семя
В отведенный Богом час.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66